

УДК 347

Научная специальность 5.1.3

<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-4-40-14-19>

ISSN: 2542-0259

© Российское конкурентное право
и экономика, 2024

Цифровая экосистема: становление новой категории конкурентного права¹

Матунов А.Я.,

Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
ФАС России,
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация

В статье проанализирована проблема совершенствования антимонопольного регулирования цифровых экосистем. Начало антимонопольному регулированию цифровых рынков в России положено Федеральным законом от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”». По мнению автора, закрепленных в этом Законе правовых механизмов недостаточно для обеспечения системного подхода к регулированию цифровой экономики и, в частности, цифровых экосистем.

Целями работы являются: анализ доктринальных подходов к сущности и содержанию цифровой экосистемы; обоснование необходимости дальнейшей законодательной работы в области дополнения существующих антимонопольных требований в части регулирования деятельности хозяйствующих субъектов на цифровых рынках. Автором предложено определение понятия цифровой экосистемы, учитывающее потребности антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: цифровая экосистема; антимонопольное регулирование; рыночная власть; монополистическая конкуренция.

Для цитирования: Матунов А.Я. Цифровая экосистема: становление новой категории конкурентного права // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 4 (40). С. 14-19. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-4-40-14-19>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

¹ Статья отражает мнение автора.

Digital Ecosystem: the Formation of a New Category of the Competition Law²

Arkady Ya. Matunov,
Kutafin Moscow State Law
University (MSAL),
FAS Russia,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9,
Moscow, 125993, Russia

Abstract

The article analyzes the problem of improving antitrust regulation of digital ecosystems. The beginning of the antimonopoly regulation of digital markets in Russia was laid by the Federal Law of 10.07.2023 No. 301-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Protection of Competition". According to the author, the legal mechanisms enshrined in this Law are not enough to ensure a systematic approach to regulating the digital economy and, in particular, digital ecosystems.

The objectives of the work are: analysis of doctrinal approaches to the essence and content of the digital ecosystem; justification of the need for further legislative work in the field of supplementing existing antimonopoly requirements in terms of regulating the activities of business entities in digital markets. The author proposed a definition of the concept of a digital ecosystem, taking into account the needs of antitrust regulation.

Keywords: digital ecosystem; antimonopoly regulation; market power; monopolistic competition.

For citation: Matunov A.Ya. Digital ecosystem: the formation of a new category of the competition law // Russian Competition Law and Economy. 2024;(4(40)):14-19, (In Russ.).
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-4-40-14-19>

The author declares no conflict of interest

Значительная часть вызовов для антимонопольного регулирования обусловлена цифровизацией экономики и появлением крупных технологических корпораций. Становление цифровых платформ и экосистем представляется закономерным процессом самоорганизации бизнес-моделей. Некоторые вопросы, касающиеся правового регулирования современных экономических процессов, нашли подробное отражение в юридических исследованиях. Так, антимонопольному регулированию деятельности цифровых платформ посвящен ряд научных работ [1—4].

Активизация законотворческой деятельности в части антимонопольного регулирования цифровых рынков началась с разработки Федерального закона от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» (далее — Пятый антимонопольный пакет). Прежде всего, речь идет о дополнении Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) ст. 10¹, направленной на пресечение монополистической деятельности хозяйствующих субъектов, владеющих цифровыми платформами, а также о закреплении в п. 4¹ ст. 4 Закона о защите конкуренции легального определения сетевого эффекта и цифровой платформы.

Между тем указанные изменения можно назвать примером точечного регулирования, поскольку введение Пятого антимонопольного пакета все же не позволяет говорить о рождении системного подхода к антимонопольному регулированию цифровой экономики. Так, в настоящее время остается не разработанным надлежащим образом вопрос

² Article reflects the opinion of the author.

регулирования экономической деятельности цифровых экосистем. Несмотря на то, что некоторые аспекты правового регулирования экосистемной бизнес-модели затронуты исследователями [5], комплексный доктринальный подход относительно антимонопольного регулирования экономической деятельности хозяйствующих субъектов в рамках экосистемы остается несформулированным в полной мере.

При этом в указанной части современное развитие отечественного антимонопольного регулирования цифровых рынков в целом совпадает с общемировыми тенденциями. В настоящее время, по мнению некоторых экспертов, наименее проработанной в мировой регуляторике темой является конкуренция между экономическими экосистемами и конкуренция внутри них³. Между тем объективные экономические процессы, лежащие в основе выстраивания крупными участниками рынка межотраслевых экосистем, заслуживают исследования в целях формирования соответствующего правового регулирования, поскольку механический перенос мер антимонопольного регулирования, применяемых к традиционным товарным рынкам, для реализации антимонопольной политики в отношении цифровых рынков далеко не всегда эффективен.

Правовому регулированию цифровых экосистем в апреле 2021 г. Банк России посвятил доклад «Экосистемы: подходы к регулированию»⁴, в котором отдельным блоком рассматривались риски, связанные с нерегулируемым развитием экосистем. Выделяемые риски довольно многообразны и связаны в том числе с ограничивающими конкуренцию практиками, направленными на дискриминацию отдельных внешних поставщиков, манипулирование информацией, а также с недобросовестными практиками ценовой конкуренции, направленными на освоение новых рынков.

Кроме того, в 2021 г. Министерство экономического развития Российской Федерации совместно с Федеральной антимонопольной службой, Министерством финансов Российской Федерации, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральной налоговой службой России при участии Банка России подготовило Концепцию общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих цифровые сервисы на базе одной экосистемы⁵ (далее — Концепция), которая аналогично рассмотренному выше докладу Банка России выделяет риски, связанные с распространением экосистем, среди которых для целей настоящей работы особенно интересны эволюция недобросовестных практик, монополи-

зация данных и обострение вопросов доминирующего положения на товарных рынках.

С учетом изложенного следует сделать вывод о том, что исследования в области цифровой экономики, помимо преимуществ новых бизнес-моделей, показывают в их использовании довольно серьезные риски, купирование которых во многом должно стать важным направлением антимонопольной политики. При этом в целях формирования соответствующего правового регулирования представляется важной выработка доктринального подхода к правовой сущности цифровой экосистемы, учитывающего объективные экономические признаки и закономерности, присущие данному явлению.

Следует отметить, что в Концепции предпринята попытка сформулировать дефиницию цифровой экосистемы, которая определяется как «клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.)».

Между тем такое определение представляется в определенной степени декларативным, больше подходящим программному документу, однако не в полной мере отвечающим целям соответствующего правового регулирования. Кроме того, выделенные в Концепции особенности экосистем, заключающиеся в создании дополнительной ценности производимых продуктов/услуг путем их объединения, не находят соответствующего отражения в предложенном определении.

Говоря об актуальности рассматриваемого вопроса, следует отметить представленный в 2020 г. доклад о результатах расследования Конгресса США в отношении группы компаний Google, Apple, Facebook, Amazon⁶. В качестве меры борьбы с монополизацией авторы доклада предложили структурное разделение бизнесов, запрет на дальнейшую вертикальную интеграцию, а также установление новых стандартов для сделок экономической концентрации. Опасения относительно распространения антиконкурентных практик крупных цифровых компаний высказывались также со стороны Правительства Великобритании⁷.

Следует также отметить отечественные разработки в области антимонопольного регулирования цифровых экосистем. Так, в выступлении в 2021 г. на Антимонопольном форуме А. Ю. Иванов предположил, что власть организаторов цифровых экосистем (gatekeepers) пред-

³ В конкуренции платформ важны нюансы // Коммерсантъ 2024. 11 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6761494> (Дата обращения: 11.09.2024).

⁴ Экосистемы: подходы к регулированию // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (Дата обращения: 02.07.2024).

⁵ Власти подготовили концепцию регулирования экосистем. URL: <https://cljournal.ru/news/21854/> (Дата обращения: 04.07.2024).

⁶ Высокотехнологичные компании предложили раздробить за монополизм / Евгений Хвостик // Коммерсантъ 07.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4521314?ysclid=m0pbl1meyx50952485> (Дата обращения: 05.09.2024).

⁷ New competition regime for tech giants to give consumers more choice and control over their data, and ensure businesses are fairly treated / Alok Sharma, Oliver Dowden. URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-competition-regime-for-tech-giants-to-give-consumers-more-choice-and-control-over-their-data-and-ensure-businesses-are-fairly-treated> (Дата обращения: 05.09.2024).

ставляет собой новый тип рыночной власти, который требует новых инструментов антимонопольного регулирования⁸.

Кроме того, в 2021 г. эксперты Международного центра конкурентного права и политики БРИКС НИУ ВШЭ предложили концепцию антимонопольного регулирования цифровых экосистем, опирающихся на природный подход. При этом, по мнению А.Ю. Иванова, «современное конкурентное право нуждается в комплексной методике оценки того, как работают экосистемы, как они конкурируют друг с другом, как устроена конкуренция внутри экосистем, какие есть возможности для их балансировки без разрушения»⁹.

Между тем указанная концепция также не в полной мере раскрывает экономическую сущность рассматриваемого явления, что делает затруднительными дальнейшие рассуждения о перспективах развития антимонопольного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов в рамках экосистем.

Немного забегаая вперед, отметим, что с точки зрения конкурентного права под экосистемой, прежде всего, следует понимать сложносоставной хозяйствующий субъект, использующий сетевые и комплементарные эффекты с целью увеличения рыночной власти на отдельных товарных рынках путем эксплуатации модели монополистической конкуренции.

С учетом изложенного видится, что дальнейшее развитие антимонопольного регулирования в указанном направлении должно опираться, прежде всего, на идеи об отрыве степени рыночной власти от исключительно количественных критериев оценки присутствия хозяйствующего субъекта на товарном рынке. При этом указанное справедливо не только для гейткенера, но и для всех хозяйствующих субъектов, входящих в его цифровую экосистему.

Также важно помнить, что антимонопольное регулирование должно иметь в своем распоряжении эффективный и своевременный правовой инструментарий для пресечения недобросовестных рыночных практик. Далее следует подробнее обосновать указанную мысль.

Так, понятие экосистемы, впервые введенное в ботанике А. Тенсли в 1935 г., означавшее общность взаимосвязей внутри определенной среды, в конце XX в. транслировано в экономическую область [6, с. 128—129]. Отметим, что такое заимствование видится естественным, учитывая выявленные структурные взаимосвязи между агентами, присущие экосистеме в экономическом смысле.

При этом в экономической теории экосистема рассматривается как одна из форм сетевых структур [7, с. 16]

и представляет собой реальную экономическую категорию, хозяйственной деятельности участников которой присущи особенности, требующие юридического осмысления, в первую очередь с точки зрения конкурентного права. При этом важно отметить, что поскольку рассматриваемое явление является бизнес-моделью, для разработки надлежащих правовых подходов необходимо затронуть научные достижения в области экономической теории и менеджмента. Так, вопросу определения экосистемы в качестве экономической категории посвящен ряд исследований. При этом указанное явление рассматривается учеными с разных сторон. Таким образом, каждое исследование проливает свет на отдельные аспекты экосистемы как экономического явления.

Во-первых, необходимо отметить, что экосистема представляет собой взаимодействие нескольких хозяйствующих субъектов. Некоторые научные исследования описывают экосистему как современную форму организации межсубъектного взаимодействия [7, с. 32]. Указанной позиции придерживается и Н.В. Смородинская, которая отмечает, что экосистема — это организационная целостность [8, с. 28].

Во-вторых, для деятельности хозяйствующих субъектов в рамках экосистемы характерно не простое сотрудничество, а взаимодействие, направленное на возникновение дополнительной ценности. Так, О.М. Куликова и С.Д. Суворова определяют экосистему как «новый формат бизнеса, основанный на сотрудничестве компаний в сборе и обмене информацией, которое обеспечивает появление новых возможностей, позволяющих войти на рынок с минимальными затратами и создавать эффективные комбинации ресурсов и инновационные предложения» [9, с. 200]. Экосистемам присуща синергия составляющих ее элементов, которая с экономической точки зрения представляет собой «взаимодействие двух или более элементов системы (факторов), нацеленное на появление особых системных свойств, не присущих ее элементам по отдельности» [10, с. 4037].

В качестве основной проблемы бурного развития цифровых экосистем видится увеличение присутствия крупных цифровых компаний, в том числе на традиционных товарных рынках. В этой связи важно отметить следующее обстоятельство. В современной литературе, посвященной трансформации рынков под влиянием появления и развития цифровых платформ, отмечается, что под влиянием конкурентной борьбы платформенных компаний деятельность традиционных хозяйствующих субъектов изменяется посредством создания симбиоза платформенной и традиционной бизнес-моделей [11]. При этом необходимость дальнейшего развития вынуждает платформенные компании выходить на новые рынки, используя свои цифровые активы.

Становление же цифровой экосистемы представляется следующим этапом развития такого взаимодействия, при котором происходит трансформация указанного симбиоза самостоятельных хозяйствующих

⁸ Выступление директора Института на Антимонопольном форуме. <https://ld.hse.ru/news/444610721.html> (Дата обращения: 22.10.2024).

⁹ Страны БРИКС могут сыграть ключевую роль в формировании нового комплексного подхода к регулированию цифровых экосистем / Алексей Иванов. URL: hse.ru/news/expertise/530870803.html (Дата обращения: 22.10.2024).

субъектов в непрерывную деятельность фактически единого хозяйствующего субъекта¹⁰.

Важно отметить, что полноценное функционирование экосистемы предполагает совмещение деятельности на цифровых, финансовых и традиционных рынках. При этом вовлечение пользователей в цифровую экосистему позволяет соответствующему хозяйствующему субъекту увеличить свою рыночную власть на каждом рынке своего присутствия, включая и традиционные рынки, поскольку влияние сетевых эффектов цифровой платформы как бы «перебрасывается» и на традиционные рынки присутствия экосистемы. Таким образом, цифровая экосистема, являющаяся одновременно и экономическим агентом, и производителем товаров, получает существенную рыночную власть даже при отсутствии на соответствующих товарных рынках существенной рыночной доли, поскольку вопрос переключения между отдельными товарами становится вопросом переключения между экосистемами или потери значительной части ценности товара, обусловленной соответствующими сетевыми эффектами и комплиментарностью товаров [12, с. 29]. Таким образом, в подобных ситуациях речь идет о монополистической конкуренции, предполагающей фактический уход от конкуренции внутри рынка определенного рода товара в особую «монополистическую нишу» — нишу дифференцированного товара [13, с. 63].

Закключение

С учетом изложенного для целей антимонопольного регулирования цифровую экосистему допустимо определить как модель взаимодействия совокупности хозяйствующих субъектов, действующих на цифровых, финансовых и традиционных рынках, при которой индивидуальная потребительская ценность товаров, производимых каждым из таких хозяйствующих субъектов, изменяется для потребителя в зависимости от степени его вовлеченности в потребление иных товаров, производимых участниками цифровой экосистемы.

Отдельного упоминания в контексте рассуждений о цифровых экосистемах в конкурентном праве заслуживает «связывание» как форма злоупотребления доминирующим положением. Применительно к цифровым рынкам с доктринальной точки зрения практики связывания представляют особый интерес. Рассматриваемая форма злоупотребления представляет собой ситуацию, которая предполагает использование товара, на рынке которого хозяйствующий субъект занимает доминирующее положение, в качестве основы для продвижения других товаров, что позволяет

получать конкурентное преимущество при рыночной экспансии. Например, решением ФАС России от 18.09.2015 по делу о нарушении антимонопольного законодательства № 1-14-21/00-11-15 компания Google Inc. и компания Google Ireland Limited признаны нарушившими ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» путем предоставления контрагентам для предустановки на мобильные устройства под управлением операционной системы Андроид магазина приложений Google Play при условиях обязательной предустановки приложений, продуктов, сервисов Google, поисковой системы Google в качестве поисковой системы по умолчанию, обязательного размещения предустанавливаемых приложений Google строго в определенных Google местах на экране мобильного устройства, а также соблюдения запрета на предустановку приложений, продуктов, сервисов, разработанных иными хозяйствующими субъектами, в том числе обеспеченного предоставлением со стороны Google вознаграждения или иного материального стимулирования.

Однако «связывание» является лишь одной из форм злоупотребления доминирующим положением, и довольно неоднозначной может стать ситуация, при которой хозяйствующий субъект, не имеющий на соответствующих рынках доли, превышающей порог индивидуального доминирования, но обладающий достаточной рыночной властью в связи с вхождением в цифровую экосистему, станет реализовывать подобные недобросовестные практики. Основной вопрос здесь заключается в том, сможет ли в таком случае антимонопольное регулирование предложить подходящий инструментарий для защиты конкуренции.

Уже на данном этапе видно, что вопрос антимонопольного регулирования деятельности цифровых экосистем довольно непрост как минимум с учетом необходимости поиска баланса между частными интересами хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в рамках экосистемы, связанными со стремлением извлекать прибыль в связи с осуществлением инвестиций в формирование и развитие соответствующих цифровых экосистем, и публичными интересами, связанными с необходимостью предупреждения и пресечения злоупотребления такими хозяйствующими субъектами своим рыночным положением.

Между тем отметим, что указанная статья лишь слегка обнажила проблемы в рассматриваемой области. Дальнейшая же проработка доктринальных позиций относительно антимонопольного регулирования деятельности цифровых экосистем связана с серьезными поисками, а ответы на вопросы о том, какие элементы образуют экосистему, в чем именно проявляется комплиментарность элементов экосистемы, а также насколько критическим является ее влияние на соответствующие товарные рынки, во многом определяют пути развития антимонопольного регулирования в части правового регулирования экономической деятельности цифровых экосистем. ■

¹⁰ В этой связи представляется допустимым распространение на совокупность хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в рамках одной экосистемы, антимонопольных подходов о едином хозяйствующем субъекте, аналогичных используемым в отношении группы лиц. — *Прим. авт.*

Список источников [References]

1. Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дисс... канд. юрид. наук. М., 2022. 196 с. [Maslov A.O. Antimonopoly requirements for the functioning of digital platforms: legal aspect: diss... cand. jurid. sciences. M., 2022. 196 p. (In Russ.)]
2. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13—82 [Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon // Perm Legal Almanac. 2021;(4):13-82. (In Russ.)]
3. Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31—45 [Dotsenko A.V., Ivanov A.Yu. Antitrust law, digital platforms, and innovations: Google CASE and the development of approaches to the protection of competition in the digital environment // Statute. 2016;(2):31-45. (In Russ.)]
4. Касымов Р.Ш. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 27—30 [Kasymov R.Sh. Control over monopolization in the digital economy conditions // Competition Law. 2019;(4):27-30. (In Russ.)]
5. Jenny, Frederic, Competition Law and Digital Ecosystems: Learning To Walk Before We Run (April 4, 2021). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3776274> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3776274>
6. Кобылко А.А. Функции управления в бизнес-экосистемах // ЭКО. 2021. № 8 (566). С. 127—150. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-8-127-150> [Kobylko A.A. Management functions in business ecosystems // ECO. 2021;(8):127-150. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-8-127-150>]
7. Блинков И.О. Управление межсубъектным взаимодействием организаций в экосистеме: дисс... канд. эконом. наук. М., 2023. 172 с. [Blinkov I.O. Management of intersubject interaction of organizations in the ecosystem: diss... cand. economy. sciences. M., 2023. 172 p. (In Russ.)]
8. Смородинская Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7. С. 27—33 [Smorodinskaya N.V. Network innovation ecosystems and their role in dynamisation of economic growth // Innovations. 2014;(7):27-33. (In Russ.)]
9. Куликова О.М., Суворов С.Д. Экосистема: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии знаний. 2021. № 42 (1). С. 200—205. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-10909> [Kulikova O.M., Suvorov S.D. Ecosystem: a new format for modern business // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021;(42):200-205. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-10909>]
10. Касьяненко Т.Г. Системный взгляд на синергию: определение, типология и источники синергического эффекта // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 24. С. 4035—4050. <https://doi.org/10.18334/rp.18.24.38580> [Kasyanenko T.G. Systemic view on synergy: definition, classification and sources of synergic effect // Russian Journal of Entrepreneurship. 2017;18(24):4035-4050. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/rp.18.24.38580>]
11. Перельман М. Новое прочтение конкуренции; «полезные монополии» шестого технологического уклада [Электронный ресурс] URL: <https://disk.yandex.ru/d/lphm8msIPs7nFg> (Дата обращения: 05.09.2024) [Perelman M. New reading of competition; "useful monopolies" of the sixth technological order [Electronic resource] <https://disk.yandex.ru/d/lphm8msIPs7nFg> (In Russ.) (Accessed: 08.09.2024)]
12. Шаститко А.Е., Павлова Н.С., Кащенко Н.В. Антимонопольное регулирование продуктовых экосистем: случай «АО «Лаборатория Касперского» – Apple Inc.» // Управленец. 2020. Т. 11. № 4. С. 29—42. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-3> [Shastitko A.E., Pavlova N.S., Kashchenko N.V. Antitrust regulation of product ecosystems: the case study of Kaspersky lab. — Apple Inc. // The Manager. 2020;11(4):29-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-3>]
13. Петрищев М.В. «Монополистическая конкуренция» как антиномия — проблема // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 62—65 [Petrishchev M.V. "Monopolistic competition" as an antinomy problem // Problems of Modern Economics. 2012;(2):62-65. (In Russ.)]

Сведения об авторе

Матунов Аркадий Яковлевич: аспирант кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) ar.matunov@mail.ru